

зентаций, отображающих реальность. Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возрастает. Пол человека – одна из его важнейших как экзистенциальных, так и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе посредством языка.

Общий для многих лингвистических направлений принцип "человек в языке", установление и описание механизмов антропоориентированности языка вполне согласуются с учетом гендерного фактора. Более того, гендерный подход позволяет сделать еще один шаг вперед и описать не только антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия[10].

1. Кирилина А.В., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – 2005. – №2 (22).

2. Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. – N. Y., 1990.

3. Baron B. «Geschlossene Gesellschaft». Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachge-

sprach? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragreihe in Sommersemester 1996. Konstanz, 1996. S. 114–129.

4. Денисова А.А. Тезаурус терминологии гендерных исследований. – М., 2003.

5. Рябова Т.Б. Пол власти: Гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. // <http://riabova.wordpress.com/>

6. Исмагулова Г.К. Лингвокультурологический аспект гендерных отношений: сопоставительный аспект : На материале русского, немецкого и казахского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20. – Челябинск, 2005. – 178 с.

7. Горошко Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // www.textology.ru/public/goroshko2.html

8. Осинская О.С. Гендерные аспекты переводов трагедии У. Шекспира «Гамлет» // frgf.utmn.ru/last/No19/text07.htm.

9. Семенова Ю.И. Роль гендера в обучении иностранным языкам // <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-11.pdf>

10. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // www.strana-oz.ru

Лингвистика саласында жаңа бағыт болып табылатын гендерология ғылымы “жыныс” концепті ұғымын беруде тілдің әр түрлі деңгейінде анықталуды мақсат етеді.

Gender is an essential, stable category in the context of speech and communication. This is because gender is reproduced via language and communication. Gender studies reflect the way in which gender relations represent cultural and symbolic systems through the medium of language and linguistic structures.

Замина Рустамбейли

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭМ

Известно, что на Востоке, в том числе в Азербайджане, на протяжении всего средневековья литература делилась на так называемую «дворцовую» и «народную». Дворцовая литература выделялась своими общеисламскими особенностями, тогда как литература, созданная в народной среде, отличалась именно местным, национальным колоритом. Лингвистический анализ, проведенный над первыми мусульманскими тюркоязычными письменными памятниками, показал, что они все являются плодом народной среды, так как в них в той или иной степени сохранился народный язык и стиль своего времени. Сегодня «мы можем только предполагать, что, если бы известные нам па-

мятники XIII-XIV вв. появились во дворцах, то, наверное, они формировались бы в синтезе с классическими и традиционными арабским и персидским литературами. Появившаяся в своей первичной естественной форме тюркско-мусульманская литература того периода, полностью сохранила свою архаичность, предстала литературой поэтов, далеких от дворцовой среды и живущих и творивших среди народа, а не этноса, только что чувствовавшего в себе влияние феодальных общественно-экономических отношений» [8, с.18].

Когда-то исследователи отчаянно искали хотя бы один листок, одну газель, сообщающую хоть малейшее сведение о литературе и лите-

ратурно-художественном языке XIII-XIV вв., хотя турецкие ученые выявили имена ряда азербайджанских поэтов указанных веков. В наши дни в Баку уже изданы одноименные поэмы «Йусиф ва Зулейха» Сули Фагиха, охватывающую 4800 бейтов, и Мустафы Зарира, состоящую из 2120 бейтов, поэма «Варга ва Гюльшах» Юсифа Маддаха, охватившая 1700 бейтов [см.: 11, с.4], поэма «Йусиф ва Зулейха» Гул Али и поэтическая сказка «Мехр ва Вафа» Умми Исы, ведутся работы по подготовке к изданию переводного прозаического текста «Сийар аннаби» того же Мустафы Зарира, посвященного жизни и деятельности последнего пророка.

При периодизации истории тюркоязычной литературы исламской эпохи отдельно выделяется раннеклассический период, за которым подразумевается XI, а иногда еще и XII в. Анализ лингво-стилистических и поэтических особенностей известных нам источников дает нам возможность считать (особенно эпическую) поэзию XIII-XIV вв. образцом произведений переходного периода к классической литературе, потому что в них проявляют себя отблески грядущей «нормальной» арузской поэзии.

Разумеется, не правильно было бы говорить о каких-нибудь фактах, отражающих панораму литературного языка, его нормативные качества на материале раннеклассической поэзии или же литературы переходного периода: для этого требуется найти и работать над прозаическими текстами. А на материале поэтических текстов следует вести речь только о поэтическом языке и стиле времени.

Наиболее яркими образцами раннеклассической тюркской литературы являются поэма «Кутадгу билик» Юсифа Баласагунлу и сочинение Махмуда Кашгарий «Диван-у лугат ат-тюрк» (точнее поэтические образцы, приведенные в нем). И.В.Стеблева пишет: «Совершенно очевидно, что ранние произведения классической тюркоязычной поэзии показывают переход от древнетюркского стиха с характерным для него разносложием к тюркским равносложным стихам с помощью регулирующего воздействия системы аруза... К XI в. ... арабо-персидская теория рифмы, так же как и теория метров аруза, была подробно разработана и сформулирована... Ранние образцы тюркоязычной поэзии показывают, что традиция точной рифмы в поэзии на тюркских языках имеет свой закономерный путь развития. Теоретические правила, выработанные на основе нетюркской поэзии, при перенесении их на тюркоязычный материал на первых парах неизбежно должны были в чем-то на-

рушаться... При рассмотрении рифмы в стихах из «Дивана» в плане арабо-персидской теории обнаруживается, что она обладает теми же особенностями, какие наблюдаются в рифме «Кутадгу билиг»... Одинаковый характер рифмы в ранних произведениях классической тюркоязычной поэзии определяется прежде всего общим состоянием лексики языка и уже в последнюю очередь более низким по сравнению с периодом рассвета тюркоязычной классической поэзии уровнем поэтической техники. Для построения рифмы, в равной степени как и для реализации в тюркской языковой среде метров аруза, имел большое значение факт обогащения поэтического словаря арабо-персидской лексикой, изменившей фонологическую структуру языка. Теория рифмы, разработанная применительно к арабскому и персидскому языкам, в тюркоязычной поэзии нашла свое реальное воплощение благодаря арабским и персидским заимствованиям» [4, с.26-30].

Это тонкое наблюдение ученого оправдывает себя и применительно к переходному периоду азербайджанской тюркоязычной литературы. Но следует обратить внимание и на то, что арабские и персидские заимствования интенсивнее вошли в азербайджанский язык гораздо позже, минуя переходный период. А Гул Али и его современникам пришлось довольствоваться больше «своей лексикой». Вот почему в традиционном поэтическом отношении сочинения переходного периода не котируются высоко в истории литературы Азербайджана: в них авторы стараются применить к бейтам законы аруза, что в большинстве случаев им не удается... Ценность этих поэм заключается прежде всего в их языковой и стилистической характеристике.

С начала XX в. ряд ученых (К.Броккелман, М.Ф.Кепрюлузаде, Х.Дж.Долу, А.К.Боровков, Н.Ш.Хисамов и др.) старались определить национальную принадлежность поэмы «Гысса-и Йусиф» и его автора. Однако никто до сих пор не смог окончательно опровергнуть относительность поэмы к азербайджанской литературе, несмотря на то, что эту поэму связывали то с турецкой, то среднеазиатской, то татарской литературами. Даже татарский ученый Н.Ш.Хисамов вынужден был признать, что она насыщена больше огузскими элементами [см.: 5, с.9]. М.Ф.Кепрюлузаде касательно поэтических характеристик «Гысса-и Йусиф», связывал ее с традициями древнетюркской народной поэзии [см.: 15, с.5]. Исмаил Хикмет Эртайлан считал, что данное сочинение является первым оригинальным поэтическим тюркским произведением, написанным в 630 г. хиджры в Крыме на материале коранического

сказания и его таф-сиров; но далее все же вынужден был добавить, что как видно из источников сочинения, этот список не отражает османский диалект, и по орфографии, и по словесным и грамматическим особенностям памятник следует считать сочиненным на крымском диалекте азербайджано-джигатайского типа [см.: 14, с.215]. Но из-за не изученности диалекта крымских тюрков XII-XIII вв. остается неясным, на какой основе можно отнести язык поэмы к крымскому диалекту, тогда как она по лексико-грамматическим параметрам связывается с «азербайджанским типом». Раз по лексико-грамматическим и даже орфографическим (сопоставление рукописи с азербайджанскими памятниками доказывает это) признакам памятник имеет тип азербайджанского тюрки, тогда что мешает считать его образцом азербайджанской литературы? Ведь в азербайджанских рукописях встречается немало текстов, составленных на излюбленном джигатайском или на смешанно азербайджанско-джигатайском языке. С другой стороны, даже если первый известный список поэмы был обнаружен на Крыме, но палеоорфографические данные не дают возможность считать его написанным или переписанным на Крыме – а значит, вопрос о национальной принадлежности автора поэмы остается открытым. Халида Джамил Догу сопоставляя Казанские издания с Берлинским и Дрезденским списками пишет: «Сравнение этих изданных вариантов показывает, что наряду с Берлинским и Дрезденским рукописями существовал еще один список, потому что между частью, опубликованной Т.Хоутсма, и Казанскими изданиями наблюдаются явные различия как в тематическом плане, так и в чередовании и разработке отдельных эпизодов. Возможно, при издании этих списков были нарушены старые грамматические формы и сделаны некоторые дополнения» [13, с.421]. А туркменские рукописники в 2005 г. издали «Гысса-и Йусиф» как туркменский памятник без какого-либо комментария [см.: 16].

Все эти и подобные разногласия отложили на долгий ящик решение вопроса о национальной принадлежности поэмы и его автора. Из азербайджанских ученых первым к нему обратился в 1943 г. видный текстолог, академик Гамид Араслы, выдвинувший свою версию о принадлежности этого достояния азербайджанскому народу [см.: 7]. Как пишет З.Гаджиева, в дальнейшем ученый собрал неопровержимые доказательства по своей версии, но не успел довести дело до конца. В наши дни другой азербайджанский ученый Элмадин Алибекзаде

издал поэму Али из 5000 строф и отметил, что она написана на традиционном стиле азербайджанской народной поэзии – в форме «варсаги». Эта форма была популярна в азербайджанском поэто-ическом фольклоре, но употреблялась и в классической литературе. В варсаги поэта Али три строфы каждого куплета рифмуются между собой, а окончание четвертой строфы – свободно (точнее все они заканчиваются одним и тем же словом «имди» – З.Р.). Написать целый такой дастан как «Гысса-и Йусиф» очень сложно и требует большого мастерства. Форма масневи дает возможность поэту действовать относительно свободно, перед ним имеется больше языковых и формальных возможностей. В форме же, выбранной Али, каждая мысль должна вмещаться и при том высказывания должны рифмоваться в пределах только трех строф, а четвертая строфа должна заключать ее. Все куплеты этой поэмы серьезно соблюдают данный закон поэтической формы. Азербайджанский стих XII-XIII вв. сформировался на таком уровне: он имел строй и нерушимые законы рифмования, радифа, такта, размера, единство содержания формы. Такой стих не мог бы формироваться без традиции, без долгого пути своего развития. Великий Низами заложил основу традиции написания поэтического романа в азербайджанской литературе. Али же создал роман-поэму на родном языке на основе заложенных Низами традиций [см.: 12, с.3-8].

Таким образом, «Гысса-и Йусиф» предстает перед нами наиболее высокоразвитым образцом тюркского стиха в форме варсаги, сочиненным азербайджанским поэтом Гул Али. Однако эта поэма оказала влияние на последующие образцы переходного периода классической литературы не формально, а только тематически.

З.Гаджиева пишет: «Следует признаться, что сегодняшнее значение тюркоязычных текстов поэм XIII-XIV вв. заключается в том, что они являются достоверными источниками истории языка, носящими ценнейшую информацию о конкретном периоде его развития... В тюркоязычных поэмах XIII-XIV вв. индивидуально авторские особенности и оригинальность носили относительный характер, они имели единые традиционные тематику и сюжетные линии, что умаляло их художественно-стилистические достоинства, из-за чего эти тексты сегодня расцениваются больше в качестве носителей языковой информации... Никак нельзя согласиться с авторами, принимающими основную тему поэм «Йусиф ва Зулейха» за любовную и приключенческую. На самом деле все эти

произведения представляли как религиозную, так и этико-дидактическую, но только после этого – любовную и приключенческую тему, да и любовная тема в них прежде всего была направлена к богу и его пророкам; приключенческий сюжет же их служил только для привлечения и развлечения читателя, что может отмечаться на втором плане» [8, с.3-6].

Поэмы на тему Юсифа и Зулейхи XIII-XIV вв. оказали друг на друга большее влияние. Сравнительный анализ поэм Али, Шайида Хамзы и Сули Фагиха [см.: 9, с.49-50] наглядно показал это. Интересно, что в «Йусиф ва Зулейха» иногда можно встретить факты повторного использования гаптаксных словарных единиц. Например, слово «гызлыг» в значениях «засуха», «неурожай», «голод», не встречающееся в последующих памятниках письменности, употреблено в «Йусиф ва Зулейха» XIV-XV вв. Ср.:

Andan sonra qızlıq ola, aləm dola (Əli).

Andən sonra yeddi yıl qızlıq ola (Şəyyad Həmzə).

Varduğunca qızlıq oldı qəti (Suli Fəqih).

Pəs bu sözdən biz gəl imdi qayidəli,

Qızlıq olduğunun cəhanün ayidəli (Xətai Təbrizi).

Çün qızlıq halı altı yıla gəldi (Şəms).

А во всех масневи «Йусиф ва Зулейха» XIV в. ярко выделяются особенности перехода к арузу. Например, и у Мустафы Зарира, и у Сули Фагиха отдельные поэтические образцы, переданные через речь персонажей или связанные с ними, получили форму газели. Этих стихов от газелей отличает прежде всего то, что в них наблюдается количественное несоответствие бейтов и не указывается имя автора газели в последних строках: только что введенный в азербайджанскую тюркоязычную литературу жанр газели, в отличие от образцов лирической поэзии, не смог до конца избавиться от естественных недостатков, да и авторы этих поэм не возвышались еще до уровня газельханов (мастеров газели). С другой стороны, лексика самого языка не располагала арабскими и персидскими заимствованиями, необходимыми для обеспечения метрики газели. В XIII-XIV вв. процесс массовой архаизации слов тюркского происхождения еще только начинался [см.: 1, с.11-12]. Именно в поэмах «Йусиф ва Зулейха» нашла свое отражение борьба за выживание слов в лексике азербайджанского языка переходного периода.

Образцы газелей, введенные в поэмы Мустафы Зарира и Сули Фагиха, служат прежде всего окрашиванию масневи формами аруза, их обогащению художественными фигурами, превращаются в средство завершенности текста или его части. В ряде случаев эти признаки про-

являют себя ярче и даже выделяются в текстах масневи своими заглавиями. В них две первых рифмующих строфы все еще продолжают представлять собой авторскую речь, но в начале второго бейта (на первой строке) следует авторское слово, вводящее речь персонажа. Например, у Мустафы Зарира:

Firqətnameyi-Yusif əleyhis-salam

Ta ki, gözündən Yusif tökdü gülab,

Gül üzünə saçdı abi-seylab.

Aytdı: Baba, naz ilə bəslədidin,

Öldürür işbu cəməət başıtab.

Qanı bənim ibn Yamin qardaşım

Kim, verəydi bunlarə bu dəm cəvab.

Halimi bilsəydi ol babam bənim,

Gəlibən bunlarə qılseydi itab...

В другом месте газель введен в ткань масневи без специального заглавия, но и здесь речь персонажа в форме газели следует вслед за авторским вводящим словом:

Çünkü Yusif endi ol daş üstünə,

Başladı ol şe'r söyləməklük qəsdinə.

Aytdı: Babam bildi gər halim bənim,

Bu quyudə nədir bənim əhvalım, bənim.

Ey diriğa, həsrəti-dərđi-fəraq,

Ruzi qıldı bana sübhanım bənim...

Подобный способ использования газели в поэме встречается еще раз, когда слова вводящие речь персонажа, включены в структуру (начало) газели:

Ağlar, aydır: Ey diriğa, bən fəqir

Nə qılayım, yalnız qaldım həqir.

Var oleydi şim qərdaşım bənim,

Yar oleydi, qalmaqaydım bən fəqir...

Наконец, еще в одном месте поэмы Зарира газель приведена без выделительного заглавия, но вводящее речь персонажа авторское слово включено в начало последней строфы предыдущей части масневи:

Şah sorur: Necə kişidir ol kişi?

Aytdı: Şəha, Ay, Günəş yoldaşi.

Üzü nurindən münəvvərdir cəhan,

Görən aydır, bu firıştədir əyan.

Yaxud huridir ki, uçmaqdan gəlir

Kim, küsüb gəldi cəhanə əz-cinan.

Hər kim anın görə bir göz üzünü,

Aşiq olur əql, qalməz cavidan...

В остальных же местах масневи речи персонажей в форме газели представлены под отдельными выделяющими заглавиями. А при употреблении газели в авторской речи ее грани вовсе смываются. Например, ср.:

Yusif oturdu, bunlarınlə təam
 Qamu biryerdə yedilər, vəssəlam.
 Eylə san kim, Ay ilə Gün ol zəman
 Oldu ölkərlə müqarın, bil əyan.
 Müştəri oldu bunlarə müştəri,
 Kəntxudalığdə olubdur mehriban...

Здесь после первого двустишия (окончания предыдущей части масневи) начинается газель, не выделенный в тексте ни словом (так как газель также входит в авторскую речь), ни курсивом. То же самое повторяется еще раз в другом месте сочинения:

Olmıya əğyar aradə yar ilə,
 Lə'li ləbindən müdami sorə.
 Gəh gülüstəndə təfərrüc edəsin,
 Gəh üzünü gül üzünə sürəsin.
 Gəh əyağın sürəsən sən üzünə,
 Gəh əyağın yarə qarşı dirəsin...

У Сули Фагиха одна из газелей с внутренним рифмованием представлена под выделяющим заглавием, однако исследователи, подготовившие произведение к изданию, отнесли к ней без надлежащего внимания и не отделили окончание газели от первой строфы последующей части масневи:

Qanı ol şahimü sultanum bənüm,
 Əqli fəhmi həm ol canum bənüm...
 Gəl ki, cörə qocacıq baban səni,
 Sənsin axır bağı bustanum bənüm.
 Görđi Yə'qub Yusifı girməz ələ,
 Dedi kim, ol qurđı gətirün ələ.

Следует отметить, что у этого поэта встречаются некоторые повторения рифмующих слов, что обедняет язык поэмы, умаляет ее художественный уровень, например:

Gələbən dərdümə dərman eyləgil,
 Sünbülü, həm bağı bustanum bənüm...
 Gəl ki, cörə qocacıq baban səni,
 Sənsin axır bağı bustanum bənüm.

В отдельных местах газелей, включенных в текст масневи, автор даже нарушает законы простого внутреннего рифмования двух первых строф, а последующие строфы просто лишены рифмы. Это особенно проявляется в «Стихе Зулейхи-хатун»:

Ey bənüm şah ilə nazüm, qandəsin?
 Vəqtdür ki, gəl görəyim, qandəsin?
 Taqətüm ta qalmədi, ey əsli xəli,
 Gəl görəyim, karbanüm, qandəsin?
 Ey Yusif, gəl ki görüm, ya Yusif,
 Səni görməgə uyərəm, qandəsin?

То же самое встречается в «Минаджат-и Йусиф», ср.:

Dedi: Ey qəffari-qafir, zülcəlal,
 Bən zəifəm, açmağıl məqal, məqal...
 Hələ şimdi bən zəifəm, bən sana sığınmışam,
 Rəhmət ilə bana sənsin zülcəlal.

В поэме Сули Фагиха газели ярко выделены только те места, где она имеет заглавие, а последующая за ней часть масневи также начинается с нового заглавия:

Şe'ri-tə'lifi-kitabi-fəqih-quyəd
 Tanrının vardır əcaib işləri,
 Bay edər yoxsul ikən bərvişləri...
 Kəndi zahir, fe'li-batin işlənür,
 Mənzilinə irgürür qalmışləri.

Hekayəti-Yusif əleyhis-salam

Подобный способ использования газели встречается еще в одном месте масневи:

Qisseyi-Yusif əleyhis-salam

Dövləti tanrı verür hər bir ərə,
 Qiyməti Allah verür hər cövhərə...
 Çünki biz bu yerə gəldük, çarə et,
 Ta irəsin ənbiyai-sərvərə.
 Bu dünyədə çoq əzizlər var durur,
 Adəmisən, yeri həm anlər ilə.

Hekayəti-Yusif əleyhis-salam

Газели с внутренним рифмованием, последняя строфа которых не отделилась от начала последующей части масневи, особо не замечаются в тексте:

Qisseyi-Yə'qub əleyhis-salam

Yə'qub aydur: Bana dərman eyləgil,
 Rəhmətindən gerü ehsan eyləgil...
 Qatı müşkil oldı halum, ya ilah,
 Bir bəşarət birlə ehsan eyləgil.
 Yəqub andə bir ev bünyad eylədi,
 Beytül-ehzan deyübən ad eylədi...

Таким образом, становится ясно, что первые тюркоязычные эпические произведения мусульманской эпохи представляют собой образцы стиха переходного к классической литературе периода. Они, будучи составленными в форме маснави, представили первые проростки тюркского аруза, вкрапленные в ткань текста. Однако эти первые газели в отдельных случаях по рифме и метрике грубо нарушали традиционные каноны жанра. Подобная художественно-стилистическая неряшливость отдельных поэтов встречается и в азербайджанских рукописях более позднего времени.

1. Ахмедов М.Дж. Устойчивые глагольные сочетания с именным компонентом арабского происхождения в азербайджанском языке (На материале письменных памятников XIII – XVIII вв.): Автореф. дисс. к.филол.н. Баку, 1990.

2. Каталог тюркских рукописей. II том. (Поэзия). Баку, 2009.

3. Ковалевская Е.Г. Речь персонажей в школьных драмах XVII-XVIII веков. Проблемы русского языкознания. Уч. записки ЛГПИ им. А.И.Герцена, т.281, 1968.

4. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период: Автореф. дисс.д.филол.н. М., 1974.

5. Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и-Юсуф» Кул Али. М., 1979.

6. Adilov M.M. Azərbaycan paleoqrafiyası və tarixi orfoqrafiyası: filol.e.d. diss. Bakı, 2003.

7. Arashlı Həmid. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı, 1943.

8. Hacıyeva Z. İlk anadilli abidələrimizin arxaik qatının leksik-semantik xüsusiyyətləri. Bakı, 1997.

9. Hacıyeva Z.T. Doğma dilimizin doğma övladı. «Ulduz» jurnalı, № 3, 1983.

10. Hacıyeva Z.T. Suli Fəqih «Yusif və Züleyxa» (XIV əsr Azərbaycan yazılı abidəsi. Mətn və leksik öçerk). Bakı, 1991.

11. Qəhrəmanov C., Xəlilov Ş. Mustafa Zərir. Yusif və Züleyxa (poemanın mətni və tarixi-qrammatik öçerk). Bakı, 1991.

12. Qul Əli. Qisseyi-Yusif. Bakı, 1995.

13. Dolu Xalide Cemil. «Yusif hikayesi» hakkında bir kaç söz ve bazı türkçe nushalar. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Cilt IV, 1952, sayı 4.

14. Ertaylan İ.H. Türk dilinde yazılan ilk «Yusif ve Züleyha» İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dil ve Edebiyatı Dergisi. Cilt III, 1949.

15. Köprülüzade M.F. Türk edebiyatında ilk mütesevvifler. İstanbul, 1918.

16. Aly. Kyssaýy Ýusup. Aşgabat, 2005.

* * *

The history of origin of literature written in Azerbaijani is looked through as compositional part of analogical events circulated throughout the world (in Europe and Russia). Creation of this history in Azerbaijan occurred after the victory of Islam, in the result of local families joining in the same unique religious, later in the result of new rushing of Turkic people growing abruptly in 11th -13th centuries. Since 13th century Azerbaijani authors had wrote their epic poems. The theme of the poems, like the ones in other countries throughout the world, was originated from the basic religious source the Koran, which plays the main role in the East. The poems about “Yusuf and Zuleykha”, based on the part about Yusuf prophet in the saint book, founded a capacious literature written in Azerbaijani. The initial ghazal patterns written under the influence of Arabian school of Aruz were included to these poems.

The influence of literature of next time and their lingostylistic features in the article have being looked through. The works mentioned and the others, written under the influence of them, are found to reflect the passage to the classic time.

Самедов Бахруз

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РАСПРЕДЕЛЯЕТ ПОЛЕ ТАКСИСА (На основе сравнения грамматики азербайджанского и английского языков)

Это основной языковой материал. Здесь, так же, как при анализе поля временной локализованности-нелокализованности мы видим, что функциональная грамматика, выделяя поле таксиса и выделяя аспектуально-таксисные ситуации, получает возможность объединить в описании различные языковые средства, служащие для выражения какой-то общей семантической категории, которая в ее языковом выражении образует в данном языке функционально-семантическое поле. А поле представлено в конкретных высказываниях как определенный тип категориальной ситуации.

Конечно, эти явления описываются и в традиционной грамматике. Что-то в разделе о деепричастиях, что-то в разделе о виде, что-то в разделе о предложениях сложноподчиненных или сложносочиненных, или простых предложениях, представляющих собой полипредикативные конструкции. Но все это разбито по отдельным частям грамматики, не интегрировано. А при функцио-

нально-семантическом подходе появляется возможность интегрировать все эти факты в рамках единой категории.

В нашей системе функциональной грамматики выделяются функционально-семантические поля разных типов. Поля моноцентрические и полицентрические. Примером моноцентрического поля является поле темпоральности. Поле темпоральности включает центр - грамматическую категорию времени, выраженную специальными языковыми средствами, системой форм времени. А периферия темпоральности представлена различными средствами, выходящими за пределы категории времени. При отсутствии глагола, например, в таких конструкциях, как: “to wait painfully”, “who is it?” “interesting work you have”, whether “he is in no laughing mood?” “much work”, “there is nobody to work”, “coldly”, “night”, “silence”. Резкой грани между центром и периферией нет. Сравните центр, представленный формами времени в изъявительном наклонении. Но уже кон-